

В

кромешные годы крушения Российской империи Василий Васильевич Розанов в первом выпуске своего «Апокалипсиса нашего времени» написал страшные слова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей». И далее: «Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего. Остался подлый народ...»

А ведь это тот самый народ, о котором с таким сердечным сочувствием писали Достоевский и Толстой, пролили море слез революционные демократы. И далее Розанов зрит в корень — кто виноват? Его ответ на мучительные раздумья: «Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили... Мы в сущности играли в литературе. “Так хорошо написал!” И все дело было в том, что “хорошо написал”, что “написал” — до этого никому дела не было. По *содержанию* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература».

Вздыхнем: это не о литературе Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Толстого, Достоевского. О другой, о той, что «навевала сон золотой», звала «к свободе, равенству и братству». Шире — о русской «прогрессивной» интеллигенции, ее роковой роли в российской истории.

Иван Бунин

А в следующем — 1918 — году в статье «С вершины тысячелетней пирамиды. Размышления о ходе русской литературы» Розанов высказался предельно ясно: «Россию разорвало, разорвала ее русская литература».

Эта максима великого мыслителя не была каким-то исключением: о роли литературы позже написано немало. Розанов лишь вывел «формулу» течения русской «прогрессивной мысли», приведшей к столь печальному результату. И в наше время происходит все то же роковое кружение вокруг «западных ценностей», к которым якобы мы должны стремиться. А потому: «Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя...* Суть Руси, что она не уважает себя» («Апокалипсис нашего времени»).

* * *

Обратиться к работам В.В. Розанова побудила статья другого выдающегося русского мыслителя, эмигранта Ивана Лукьяновича Солоневича из его сборника «Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия». Статья озаглавлена броско — «Вопрос о блевотине». С подзаголовком — «И вернулся пес на блевотину свою». Впервые она была напечатана в эмигрантской газете «Наша страна» в 1949 году.

Другое время, другие события, а мысль в ней все о том же, что и у Розанова, — об интеллигентском «прогрессизме» и о роли литературы (и литераторов) в судьбе России. Результат — всегда один, прямо противоположный тому, о котором мечталось.

В другой своей статье («В трех соснах») Солоневич пишет: «Русская революционная интеллигенция в феврале 1917 года *знала*, научно *знала*, что после свержения проклятого кровавого, отсталого, реакционного, бездарного и прочего режима она, эта интеллигенция: а) выиграет русско-немецкую войну; б) утвердит демократию; в) реализует то невыразимо прекрасное будущее, которое она проектировала сто лет подряд».

Получила — Гражданскую войну, большевистский террор, страдания миллионов людей.

В работе «Вопрос о блевотине» Иван Солоневич рассматривает этот феномен русской интеллигенции на конкретном примере. Пример интересный и касается он непосредственно лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина. Речь идет о скандальной истории, вызванной статьей в газете «Русская мысль», подписанной Сергеем Яблоновским (настоящая фамилия — Потресов), 10 ноября 1948 года под названием «Маленький фельетон», с подзаголовком «Ему, Великому».

В эмигрантских кругах этот памфлет вызвал негодование многих, что вынудило редактора газеты В. Лазаревского напечатать «оправдательную» статью под заголовком «Буря негодования».

Среди причин появления памфлета — выступление Бунина 23 октября 1948 года на авторском вечере, где он читал свои «Автобиографические заметки» с оценкой ряда писателей-современников, и лживое убеждение Яблоновского в том, что Бунин якобы «переметнулся к большевикам».

Интересно, как воспринял эти журналистские страсти Солоневич? Как повод. Повод сформулировать вопросы — «по сравнению с вечностью», по сравнению с судьбой России.

Иван Солоневич

Блестящий публицист, прямой и честный, Иван Лукьянович в оценках не был дипломатичен. Вот и в этом случае он не скрывал: «Я, собственно говоря, Бунина почти не читал — и не собираюсь это делать. Даже в порядке профессионального долга. Но это не имеет *никакого* отношения к какой бы то ни было оценке Бунина как русского человека...». И далее признается: «... многих вещей Достоевского я до сих пор так и не преодолел и до кончины моей преодолевать не собираюсь. Толстого я знаю почти наизусть... Достоевского я считаю большим русским мыслителем, Толстой, с моей личной точки зрения, есть как “мыслитель” сплошной балаган. О вкусах не спорят. Не стану доказывать своих. Но есть вещи, о которых спорить можно. И которые *нужно* доказывать...».

А именно — пагубную, традиционную, неизменную на протяжении полутора столетий гражданскую позицию русской интеллигенции, всех сеятелей «великого, доброго, вечного». Позиция их проста: орать «дойлой!» Что долой? Все долой — так сказать, в некую универсальную чертову мать. Все к чертовой матери: государственность, религию, собственность, семью, приличие — все. Заметим: современная либеральная интеллигенция все так же «уперта» в своей «чертовой матери». Но только по отношению к России и русскому народу.

Так вот, Солоневича возмутила некая *оправдательная* позиция, ощутимо присутствующая в статьях Яблоновского и Лазаревского по отношению к Бунину: мы только о «гордыне», о недопустимости «перемывания косточек почти всех русских писателей». Бунин, уверен он, «переметнулся к большевикам, к чему оправдания!»

Тот факт, что Бунин «оказался под сугубым покровительством советского официоза», доказывает, по мнению Солоневича, его выход из «Союза писателей и журналистов» в ноябре 1947 года. Солоневич включает в свою статью большие фрагменты из публикаций обоих «ниспровергателей Великого». Они весьма интересны, а потому воспроизведем их еще раз.

С. Яблоновский: «В “Ему, великому” я говорю, во-первых, о гордыне, но это невинная слабость очень многих крупных людей; это неважно, гораздо важнее перемывание косточек почти всех русских писателей, которое делает И.А. Бунин уже не в первой из своих публичных лекций, оставляя большую горечь в душе своих слушателей».

Еще важнее — самое важное — его выход из Союза русских писателей. Союз существует почти с самого начала русской эмиграции, всегда пользовался большим нравственным авторитетом; Бунин долгое время был его председателем¹.

Грустный сам по себе, этот поступок становится неизмеримо печальнее оттого, что совершен непосредственно после того, как Союз нашел, что члены, объединившиеся с большевиками, должны были бы выйти из Союза (что они и сделали, впервые за время существования Союза, окатив его самыми непристойными обвинениями).

¹ Союз был учрежден в Париже в 1921 году. Иван Бунин был его первым председателем, позже — почетным членом.

Вопрос о выходе членов, взявших советские паспорта, обсуждался в трех заседаниях Союза. Бунин не был ни на одном из них, прислал заявление о выходе и оказался под сугубым покровительством советского официоза.

Это произошло в наше, такое тяжкое время, после окончательного порабощения в советской России писательского Союза, когда тамошний Союз вынужден был рукоплескать этому порабощению.

Не забуду я и последней фразы речи его на вечере “Миссия русской эмиграции”:

— Я молю Бога, чтобы Он сохранил во мне тот гнев, который горит во мне по отношению к большевикам.

Не умолил Бунин Господа Бога».

В свою очередь, В. Лазаревский пишет: «Во-первых, сам великий писатель при всяком удобном, а иногда и совсем неудобном случае беспощадно чернит всех своих собратьев по перу. Так было и на литературном вечере, давшем повод к написанию фельетона. По единодушным свидетельствам, высказывания “великого” о русских писателях вызвали у большинства присутствовавших искреннее возмущение.

... Не нас следует винить в том, что мы ниспровергаем авторитет, а именно “великого” — в том, что в глазах эмигрантской массы он разрушает авторитет русской литературы, русского просвещения. Он облегчает разлагающую работу советчиков и в то же время дает видимость оправдания беспардонным глашатаям низового обскурантизма, которые демагогически выбрасывают за борт всякую культуру — на том основании, что иные представители эмигрантской элиты действительно с завидным упорством ищут места между двумя стульями, стремясь сесть в левую часть этого промежутка. Таков был и смысл ухода “великого” из Союза русских писателей и журналистов, почетным членом коего он состоял, — как раз в тот момент, когда советчиками велась против Союза клеветническая кампания.

И.А. Бунин, *зablудившийся* в темных аллеях, перестал быть гордостью русской эмиграции и являет ныне пример морального отречения ее элиты, чтобы не сказать морального дезертирства...»

Обратим еще раз внимание на обвинения в адрес Бунина. Их два: попал под влияние «советского официоза» (его встреча с послом СССР во Франции) и «разрушение авторитета русской литературы, русского просвещения» (его оценки многих собратьев по перу). Эти два обвинения отнюдь не беспорочных журналистов и подтолкнули Ивана Солоневича «копнуть глубже» биографию Бунина с «точки зрения вечности», а применительно к конкретному времени — вспомнить «о самой скромной общечеловеческой порядочности».

Как весомый аргумент он приводит справку из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона 1906 года издания: «“Новая жизнь” — ежедневная политическая и литературная газета фракции большевиков. Редактор-издатель Н.М. Минский. Издатель М.Ф. Андреева. Сотрудники: Л. Андреев, К. Бальмонт, А. Богданов, *И. Бунин*, З. Венгерова, В. Вересаев, М. Горький, *Н. Ленин*, А. Луначарский, А. Львов, Н. Рожков, А. Серафимович, Тэффи, Е. Чириков».

И комментирует: «Как видите, на самой заре своей невинной литературной юности Иван Бунин уже работает с партией большевиков... Вместе с ним там же подвизается весь второй сорт русской литературы — от Тэффи до Горького. Причем обратите, пожалуйста, ваше благосклонное внимание: вся эта публика не пошла ни к конституционным демократам, ни к республиканцам, ни к умеренным социалистам — а прямо к Ленину, не в плехановскую разновидность социал-демократической партии — а уж сразу в ленинскую. Именно там по тем временам делались и слава и гонорары.

Словом, на базе буниных всякого сорта — Ленин к власти пришел. И когда пришел — стал реализовывать именно то, что он, собственно говоря, всю жизнь проповедовал. И тогда тот же Иван Бунин выпустил свои знаменитые и свои истинно “Окаянные дни”. Свою собственную вину в большевистской революции и в ее гнусности он без всякого зазрения совести — и памяти тоже — переложил на плечи русского народа. И этот народ был изображен в виде сплошной сволочи.

Унеся великие ноги свои от своего собственного детища, Иван Бунин писал в черносотенном — по-настоящему черносотенном — “Возрождении”, настоящем органе “помещиков и фабрикантов”, но те платили мало. Иван Бунин еще раз сменил вехи, моды, убеждения и прочее и перешел в “Последние новости” — те платили больше. Теперь советские патриоты платят больше всего — по привычному ходу событий Иван Бунин оказался в стане советских патриотов: где деньги — там и отечество.

Можно, конечно, упрекнуть его, “великого”, в некотором непостоянстве. Но это будет несколько поверхностно: Иван Бунин, по-видимому, остался верен своей марксистской юности: бытие определяет сознание. И убеждения определяют гонораром...»

* * *

Справка из Брокгауза и Ефрона, как видим, многозначительна, как и выводы Солоневича, из нее вытекающие. Но тут следует тщательнее разобраться, поскольку уж слишком категоричны его выводы по отношению к Бунину. И не только. Вот что пишет далее автор «Вопроса о блевотине»:

«Как гордый носитель Нобелевской премии, Иван Бунин не интересует меня никак: литературы первого сорта у нас все равно *нет*. Хочу сделать оговорку: у нас все-таки есть один представитель и первого сорта — это М. Алданов, но это, кажется, будет совсем “особым мнением”... Есть только второй сорт — и за рубежом и в СССР. В СССР это происходит по совершенно понятным причинам. За рубежом — просто потому, что профессия писателя, как и профессия журналиста, не оплачивается никак. Новых писателей в эмиграции появиться не может, как не может появиться и новых генералов: неоткуда. Иван Бунин занял пост великого писателя просто-напросто по отсутствию какой-либо конкуренции. По выслуге лет и по отсутствию нового производства...».

И утверждает: после Второй мировой войны «*даже* русская эмиграция... и та встала на большевистскую сторону». Стала философия в лице Н. Бердяева, русская литература в лице И. Бунина, бывшая Белая армия — в лице адмирала Кедрова, русская церковь в лице митрополита Евлогия. Или, как пишет в другой статье, «полезли в советский патриотизм».

«Словом — за большевиков, за Сталина, за НКВД стоит: русская философия — *даже* в эмиграции, русская литература — *даже* в эмиграции, русские военные — *даже* в эмиграции, Русская Церковь — *даже* в эмиграции...».

Перечтите еще раз ту справку из энциклопедического словаря, которая была приведена выше: ведь в “Новую жизнь” влился весь второй сорт русской журналистики. Здесь не было ни Толстого, ни Чехова, ни Дорошевича, ни Меньшикова, ни Блока, ни Белого, но весь второй сорт — завистливый, злобный, честолюбивый, он весь налицо. Это тот сорт, который в лице Горького или Андреева бил на сенсацию и который поэтому был известен всему кое-как читающему человечеству. Теперь этот же второй сорт почти монопольно представляет “русскую общественную мысль” в союзе советских патриотов. И так как первого сорта у нас сейчас нет, то вот второй сорт представляет *нас с вами* перед всем, так сказать, культурным человечеством. Именно этот второй сорт выпестовал и при-

нес к власти Ленина — и он же, этот второй сорт, собирается принести нам нечто еще худшее, чем Ленин».

Эти заключения Ивана Солоневича отчасти можно воспринимать как политический перехлест. Но это, несомненно, не так. Будучи убежденным монархистом, автором получивших мировую известность книг «Россия в концлагере», «Народная монархия», испытав прелести «большевистского рая», он был беззаветно предан ушедшей России. Иван Лукьянович видел все пороки разного рода «измов», свобод и демократий, которые, по его мнению, никогда не заменят монархического устройства России, проверенного тысячелетней историей. А потому был так бескомпромиссен и страстен в своих публикациях ко всем «колеблющимся» или носителям «прогрессистских идеологий».

В самом деле — достаточно ли оснований утверждать, что лауреат Нобелевской премии Иван Бунин встал «на большевистскую сторону»? Иван Лукьянович указывает на два факта: фамилия Бунина стояла в списке сотрудников редакции большевистской газеты «Новая жизнь»; скандал вокруг его имени, вызванный посещением посольства СССР, и выход из «Союза писателей и журналистов». Тут надо разобраться.

М. Горький познакомился с В. Ульяновым в 1905 году, и это знакомство было, очевидно, связано с перспективой издания «большевистской» газеты.

Первый номер газеты «Новая жизнь» вышел 27 октября 1905 года, и редактором-издателем ее указан Н. Минский. Но уже с девятого номера редактором стал недавно вернувшийся из-за границы В.И. Ульянов, к тому времени из сотен псевдонимов, используемых им в «революционной борьбе», избравшим псевдоним «Ленин». Уже на двадцать седьмом номере 2 декабря этого же года газета была закрыта — из-за публикации «рабочего манифеста». Ульянов все же успел опубликовать в газете почти полтора десятка своих фанатичных статей (отметим, что газета с таким же названием выходила в 1917–1918 годах, но это было уже другая «Новая жизнь», поскольку переворот к «светлому будущему» свершился). Теперь становится ясным, как фамилия «И. Бунин» оказалась в одном списке с «Н. Лениным».

Бунин познакомился с Максимом Горьким в апреле 1899 года в Ялте. Знакомство переросло в дружбу, укрепившуюся затем тесным сотрудничеством в издательстве «Знание», основанном Горьким. В 1902–1909 годах в этом издательстве вышел пятитомник стихов и прозы Бунина, много произведений в сборниках товарищества, брошюрах «Дешевый библиотеки». «Знание» давало возможность поддерживать материальное благополучие, что для писателя было немаловажно.

Например, весной 1906 года он пишет из Глотова, где проживал в доме родственников Пушешниковых, Горькому: «Надеюсь к осени предложить “Знанию” книгу стихотворений и книгу рассказов... Не будете ли вы добры, ввиду этого, ссудить меня авансом, выдавая рублей по 100 или хотя менее каждый месяц до сентября. Я очень нуждаюсь в деньгах».

Можно предположить, что именно Горький, обретший к тому времени широкую славу, и внес в состав сотрудников «Новой жизни» фамилию Бунина. Но сотрудничал ли писатель с газетой? И что он мог предложить радикальной газетке — стихи, прозу? Да еще и с «революционной» тематикой. Такого у Бунина в годы русской смуты 1905–1906 годов не отыщешь.

Да, в юности он формировался под влиянием брата Юлия, не чуждого народнических настроений, участника московского революционного кружка студентов, за что год провел в тюрьме, и находившегося под надзором полиции, мог «заразиться» либеральными устремлениями, но вряд ли глубоко. Увлекался поэзией Надсона — в 1887 году в журнале «Родина» напечатано его стихотворение «Над

могилой С.Я. Надсона», читал Щедрина, Гл. Успенского, Гаршина, Короленко, Фофанова, писал о «честном и гуманном обновленном обществе 60-х годов». Позже увлекся, опять же неглубоко, толстовством, фальшивостью и декоративностью которого не мог не видеть. А затем — долгая, «странная» дружба с Максимом Горьким, энергичным литературным «провокатором» революционных настроений, чье имя впоследствии было чудовищно мифологизировано, увенчано прижизненной славой, мало кем из великих писателей испытанной — кроме, может быть, Л.Н. Толстого.

Эта дружба, длившаяся годы, внутренне раздражала Бунина в позднее время и, конечно, не могла не отразиться, пусть с умолчанием, в завещании, написанном в 1942 году: «Все мои письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать... В России осталось много всяких писем ко мне. Если эти письма сохранились, то уничтожьте их все, не читая, — кроме писем ко мне более или менее известных писателей, редакторов, общественных деятелей и т.д.». То есть фактически он просил уничтожить большую часть доэмигрантского архива, вероятно оставшегося в СССР.

На эту странную просьбу, кстати, обратила внимание автор «Независимой газеты» Е. Иванова в статье «Иван Бунин — либерал и подмаксимовик» («Кулиса НГ», №1, 19 января 2001 г.). Статья проиллюстрирована шаржем на Горького, Андреева, Скитальца и Бунина художника Кока: под шляпкой гриба-Горького, помельче — «подмаксимовики». А посвящена она публикации в издательстве Лидского университета (Англия) описания парижского архива И.А. Бунина. Автор пишет: «Самая, может быть, большая загадка, связанная именно с “парижским архивом”, заключается в том, что сам писатель так полно его сохранил. Ведь известно, как беспокоила Бунина та часть его архива, которая осталась в России».

А вот о дружбе с Горьким, преданным Буниным в поздние годы «анафеме»: «Эта дружба сыграла роль еще одного трамплина к известности, и Бунин не случайно вместе с Андреевым числился в “подмаксимовиках”, играя какое-то время при Горьком роль “верного Личарды”».

Ну, играть роль «при Горьком» Бунин, конечно, не мог — в силу склада характера, но дружба между литераторами была. Поэтому выводы Солоневича о марксистской юности Бунина небеспочвенны. Только вот «марксизм» здесь ни при чем. Как не было и его влияния — «писателя из второго сорта русской литературы» — на приход к власти фанатичного изувера Ленина. Чего не было — того не было, даже при дружбе с «буревестником революции» и любви к «зеркалу русской революции» Л.Н. Толстому. Не работал И.А. Бунин с партией большевиков.

* * *

Вернемся к письмам С. Яблоновского и В. Лазаревского. Насколько правдивы их оправдания собственных взглядов и насколько выход Бунина из «Союза писателей и журналистов» облегчил «разлагающую работу советчиков» — бунинское, якобы, полевение? Солоневич, как видим, усмотрел в том не просто измену Бунина своим убеждениям, но и меркантильный интерес: «Где деньги — там и отечество».

Исследователями эмигрантской жизни И.А. Бунина достаточно подробно описана ситуация, сложившаяся в эмигрантском сообществе, связанная с выходом старого писателя из Союза, наделавшая бурю в стакане воды. Действительно ли Бунин «полевел» после победы Советской Армии над Гитлером? Так ли драматично сказался этот шаг на настроении эмигрантской колонии и поднял волну «возвращенцев» в СССР? Приведем здесь письмо Бунина, опубликованное в газете «Новое русское слово» 28 декабря 1948 года.

«Многоуважаемый господин редактор!

Сделайте одолжение напечатать в “Новом русском слове” нижеследующие строки.

Осенью прошлого года парижский Союз писателей, который когда-то избрал меня своим почетным членом, исключил из своей среды лиц, взявших советские паспорта. В знак протеста против этого исключения, большинство других членов Союза, оставшихся эмигрантами, опубликовало в печати заявление о своем выходе из него, предварительно прислав ко мне своего представителя с предложением присоединиться к его заявлению, но я от этого отказался, считая неестественным присутствие советских подданных в эмигрантском Союзе. Недели через две после того я тоже покинул Союз, но единолично и, как явствует из предыдущего, не потому, что тоже решил протестовать, а в силу того, что мне не хотелось оставаться почетным членом Союза, превратившегося в союз кучки сотрудников парижской газеты “Русская мысль”, некоторые из коих были к тому же в свое время большими поклонниками Гитлера. Естественно было поэтому сугубое раздражение против меня, как человека с именем, со стороны этой кучки, тотчас пустившей слух, будто я своим выходом из Союза хотел “поддержать советских подданных”, по неволе покинувших Союз, а иные, во главе с Б.К. Зайцевым, председательствующим в Союзе и принимающим ближайшее участие в “Русской мысли” послали сообщение такого рода даже в Нью-Йорк, в “Новый журнал”. Но этим дело еще не кончилось. Вскоре после моего вечера 23 октября этого года, когда я прочел свои “Автобиографические заметки”, свои воспоминания о том ужасном “новом”, что я встретил в литературной среде при своем вступлении в нее и кончил свое чтение эпохой Маяковского, величайшего хулигана русской литературы, “Русская мысль” напечатала анонимный “Маленький фельетон”, посвященный моему вечеру, — нечто беспримерное по всяческой низости и пошлости, где уже прямо было сказано, что я “недавно совершил сальто-мортале, перескочил в большевистский лагерь”. Статейка эта была встречена большим негодованием со стороны многих, прочитавших ее, и тогда уж сам редактор “Русской мысли” В. Лазаревский напечатал статейку под заглавием “Буря негодования” (взяв эти слова в иронические кавычки), в которой подтвердил ложь насчет моего “сальто-мортале”. Но и этого оказалось мало “Русской мысли”: — 8 декабря она опять солгала, будто я “перекочевал” к большевикам, — на этот раз за подписью Сергея Яблоновского: он наконец признался, что автор “Маленького фельетона” — он, и пытается защитить его, утверждает, что он написал на меня не пасквиль, а “памфлет”. Помимо лжи о моем большевизме он повторяет и другую ложь, — ту, что была и в его “памфлете” и в статейке Лазаревского: будто я только тем и занимаюсь всю жизнь, что горжусь собой, а всех прочих писателей, всех поголовно, порочу самыми последними словами. Но, проговаривается он, это еще туда сюда: “Еще важнее — самое важное — выход Бунина из Союза русских писателей”, опрометчиво признается он.

Ив. Бунин»

Но если выход Бунина из «Союза писателей и журналистов» воспринят как доказательство перемены политических взглядов его, то, при желании и беспринципности, таких «свидетельств» можно найти немало. Например, в дневнике двадцать третьего июля 1944 года Бунин записывает: «Взят Псков. Освобождена уже вся Россия! Совершенно истинно гигантское дело!»

Что это как не радость от победы Советов, восхищение силой Красной Армии? Или, все-таки, естественное чувство русского человека от победы над захватчиком, грозившем стереть Россию с лица земли?

Ну а обвинение Бунина в том, что он «переметнулся к большевикам», — не бо-

лее чем «сенсация» журналистского пера, явно клеветническая. Георгий Адамович так писал о политических взглядах писателя (Г. Адамович, «Бунин. Воспоминания»): «Должен без колебаний, во имя истины, сказать, что за все мои встречи с Буниным и последние пятнадцать лет его жизни я не слышал от него ни единого слова, которое могло бы навести на мысль, что его политические взгляды изменились». Это лишь одно из свидетельств, но и оно достаточно весомо.

Иван Солоневич вряд ли подробно вникал во все послевоенные газетно-журнальные страсти эмигрантского сообщества Франции: он проживал на другом континенте, перебравшись из нацистской Германии в Уругвай. Следил за событиями в Европе — да, за эмигрантским «брожением» — конечно. Он стоял на своих твердых позициях объединения всех изгнанников из России для будущего воскрешения монархической, имперской России. Написание же статьи «Вопрос о блевотине» — лишь косвенное утверждение своих политических позиций, которых он не изменил до конца своей жизни.

* * *

Посмотрит на этот драматичный период жизни Бунина с другой стороны, широкому читателю малоизвестной. 14 июня 1946 года Президиумом Верховного Совета СССР издан «Указ о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». В Париже этот указ опубликован 21 июня в специальном выпуске «Союза советских патриотов». А уже 30 июня организовано открытое собрание русских беженцев, где перед собравшимися выступил посол СССР во Франции А.Е. Богомолов. Бунин на этой встрече не был. Второе собрание состоялось 21 июля, на котором выступали советские писатели К. Симон и И. Эренбург. Там Иван Алексеевич познакомился с Симоновым, о чем тот позже написал воспоминания. Эта встреча была не единственной, и впоследствии Симонов пытался убедить Бунина перебраться в СССР. Состоялась и встреча с послом — по его приглашению.

Организация возвращения «русских парижан» в СССР была возложена на структуру и сотрудников Министерства иностранных дел и, естественно, спецслужб. Слежка за эмигрантами велась и до войны, преимущественно за офицерским корпусом и генералитетом Белой Армии, политическими деятелями. Контроль велся и за писателями, чьи имена не были забыты в Советской России. Бунин в этом ряду не исключение: внимание к нему со стороны дипломатических сотрудников и агентуры усилилось еще в годы, предшествующие получению Нобелевской премии. Известно, какие усилия прилагались послом в Швеции А. Коллонтай, чтобы премия Нобеля не была присуждена «белогвардейцу и антисоветчику». А еще в 1924 году появляется провокационное письмо, написанное якобы Буниным в Советское посольство в Париже, с просьбой «добровольно выехать в СССР». Письмо, скорее всего, было реакцией на программное выступление писателя «Миссия русской эмиграции». После завершения войны слежка, естественно, возросла. Такое внимание со стороны руководства СССР, Сталина прежде всего, понятно: возвращение Бунина в СССР стало бы политическим событием международного значения.

Но мог ли Бунин совершить этот решительный шаг? Можно твердо заявить — нет! Именно потому, что понимал значимость этого выбора. Для своего имени, для всей эмиграции.

Как человек он, без сомнения, мучительно переживал. Безденежье, болезни, старость, окончательный «выход в тираж» — все это было его парижской реальностью. И не иллюзорная, а вполне возможная перспектива вернуться в Россию.

Не в СССР, а в Россию, пусть чужую, где прошлое — в могиле, где того, чем жил долгие годы, не существует. Вернуться на Родину. Но возвратиться — значит лишиться (добровольно!) достоинства и чести! А потому выбор мог быть только один. Даже приглашение просто посетить СССР, «присмотреться», было им отвергнуто.

В 2000 году впервые были опубликованы секретные материалы, хранящиеся в архивах Службы внешней разведки РФ и Архиве внешней политики РФ (автор публикации Д.Е. Черниговский). Они раскрывают многое, что происходило вокруг Бунина в предвоенные и довоенные годы. В частности, борьбу против присуждения Нобелевской премии ему. Из письма посла А. Коллонтай члену коллегии НКВД Б.С. Стомякову в ноябре 1933 года: «Присуждение премии Нобеля белому эмигранту Бунину... носило весьма случайный и внезапный характер...». В другом письме посол подробно описывает тайную борьбу накануне принятия решения Нобелевским комитетом, вплоть до организации препятствий приезду писателя в Швецию. Отметим схожесть выводов А. Коллонтай и И. Солоневича — и «большевичка», и «монархист» оказались едины в оценке лауреатства Бунина.

А вот из агентурного донесения источника от 2 мая 1945 года, в котором Бунин назван «бардом белой эмиграции», видно, как начиналась работа по склонению писателя к возвращению в СССР: «было бы крайне желательным получение Буниным... частного письма от А.Е. Богомоллова (посла во Франции. — В.П.) с пожеланием личной встречи... Такое приглашение в корне парализовало бы все попытки отговорить его (со стороны окружения. — В.П.) от “безумного шага” — возвращения на Родину...».

Ряд оценок и перспектив «возвращения» содержатся в переписке заведующего отделом Европейского отдела НКВД С. Козырева, руководителя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. Кеменова, его заместителя А. Караганова и других персон. В частности, из письма Козырева Кеменову от 23 ноября 1945 года можно судить, как виделось «настроение» Бунина дипломату: «Политическое настроение Бунина также неустойчиво. То он хочет ехать в СССР, то начинает болтать всякий антисоветский вздор». И даже такой упрек: «Бунин истеричен...».

Встреча И.А. Бунина с А.Е. Богомолловым состоялась в середине декабря 1945 года. После встречи в своем дневнике посол сделал такую запись: «В 17 ч <а-сов> ко мне пришел писатель И. Бунин. Ему уже 75 лет, но держится он бодро. Беседа шла в духе обычного “светского” разговора и никаких деликатных вопросов не захватывала. Вскользь я сказал, что пора бы Бунину посмотреть на свою страну вблизи, на что он немедленно ответил, что сделал бы это с удовольствием. Весь разговор шел в таком тоне, который никого и ни к чему не обязывал...».

Эти оценки непосредственных участников «возвращения» Бунина в СССР, последующая журналистская эмоциональная склока, пересуды, клевета показывают, какие страсти кипели вокруг его имени, вокруг каждого шага, сказанного слова.

Иван Алексеевич Бунин в СССР не вернулся. Вернулись его книги. Сбылось его страстное желание в годы изгнания: читателем его произведений стал русский народ.

* * *

А теперь еще об одном обвинении Солоневичем Бунина. Прочитируем еще раз: «Свою собственную вину в большевистской революции и в ее гнусности он без всякого зазрения совести — и памяти тоже — переложил на плечи русского народа. И этот народ был изображен в виде сплошной сволочи». Резко!

Однако где же Бунин изображал народ в виде «сплошной сволочи»? В рассказах, в повести «Деревня»? Может быть, эти обвинения в другой адрес — к творчеству Горького? Тут можно и согласиться. Записанные «по живому» впечатления в «Окаянных днях»? Но писатель необычайной зоркости, до мелких деталей, неспособный к очернительному лукавству «на потребу», Бунин дал впечатляющий образ смуты якобы «революционного» народа, не более того. Разве он не прав был, утверждавший о двуликости народной — иконе и дубине? Сравним художественные образы в его прозе и наблюдения в «Окаянных днях» — это видно очень убедительно.

Но вот что поразительно. Уже некоторые из постсоветских писателей подхватили обвинения Ивана Солоневича, намного усилив мифическую «вину» Бунина, причислив его к стану современных либералов. Однако не стоит забывать: все, что писал Иван Алексеевич, пронизано одним глубоким чувством — любовью к России. Той, невозвратной, ушедшей навсегда. И эта любовь — главное, что передал он новым поколениям русских людей; ради этого страдал и нес бремя изгнания и бездомья чужбины.

Его труды ни при каком политизированном желании не втиснешь в ту роковую, верную для событий начала XX века фразу, сказанную Розановым — «по содержанию литература русская есть такая мерзость...». Как невозможно согласиться с полемическими выводами Ивана Солоневича, что Бунин — «писатель второго сорта». Время все расставило по местам...

А судьбы двух великих сынов России — Бунина и Солоневича — оказались навсегда неразделимыми: оба они закончили земную жизнь вдали от Родины. И оба вернулись на Родину — трудами своими. Сделав свой единственный выбор, при жизни, о котором лучше всего сказала когда-то Зинаида Гиппиус: «Бездомная воля! Горька ты, а все слаще и достойнее такой же бездомной неволи».

